

Оригинальная статья
УДК 130.2
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-5-19>

Пространство детского мира: проблема трансформации

Алла Васильевна Юрьева

*Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия,
4alla@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7656-8557>*

Введение. Пространство детского мира эволюционирует вместе с представлениями человека о самом себе, окружающем мире, с развитием научно-технического прогресса. Цель данного исследования – описание трансформации пространства детского мира, изменение социокультурного положения ребенка через обретение им личного физического пространства наравне с открытием его внутреннего психического мира. Актуальность определяется усложнением пространственных координат детского мира, связанных с цифровизацией детства. Научная новизна заключается в попытке систематизировать научные знания в описании пространства детского мира и дать им оценку с точки зрения современного социокультурного состояния.

Методология и источники. Методологической базой работы является культурфилософский анализ. В качестве философского осмысления проблемы пространства были использованы труды Г. Башляра, А. Лефевра, М. Фуко и других авторов. Культурологический и этнографический анализ феномена детства, проведенный в работах Ф. Арьеса, Ж. Дюби, М. Мид, К. Леви-Стросса, способствовали осмыслению пространства детского мира и проблеме его трансформации.

Результаты и обсуждение. Пространство детского мира связано с комбинацией различных социокультурных факторов, изменяющихся на протяжении исторического времени. Это пространство открывается в глазах взрослого с проявлением интереса к детским переживаниям, внутреннему психологическому устройству ребенка. Огромное значение в трансформации пространства детства происходит в момент обретения ребенком собственного «места» в доме. Традиционное расширение пространства детского мира (дом–улица–город–страна–мир) в современности обретает еще одно измерение – виртуальности.

Заключение. Эволюция социокультурного положения ребенка в обществе зависела от специфики представлений о правилах поведения, от общественных привычек, ритуальных практик. Долгое время пространство детского мира воспринималось как принципиально иное по отношению к пространству взрослого, выносилось за его рамки. Цифровизация детства предоставила миру новые опасности, связанные с рисками нахождения ребенка в неподконтрольных взрослому виртуальных пространствах.

Ключевые слова: пространство, детство, жизненное пространство, портретный жанр, цифровизация, виртуальность

© Юрьева А. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Юрьева А. В. Пространство детского мира: проблема трансформации // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 5–19. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-5-19.

Original paper

The Space of the Children's World: the Problem of Transformation

Alla V. Yurieva

*Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St Petersburg, Russia,
4alla@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7656-8557>*

Introduction. The space of the children's world evolves together with a person's ideas about oneself, the world around them, the development of scientific and technological progress. The purpose of this study is to describe the transformation of the space of the child's world, the change in the socio-cultural position of the child through the acquisition of his / her personal physical space along with the discovery of his /her inner mental world. The relevance is determined by the complexity of the spatial coordinates of the children's world associated with the digitalization of childhood. Scientific novelty consists in an attempt to systematize scientific knowledge in the description of the space of the children's world and to evaluate them from the point of view of the modern socio-cultural state.

Methodology and sources. The methodological basis of the work is a cultural philosophical analysis. The works of G. Bachelard, A. Lefebvre, M. Foucault and other authors were used as a philosophical understanding of the problem of space. Cultural and ethnographic analysis of the phenomenon of childhood, carried out in the works of F. Aries, J. Duby, M. Mead, K. Levi-Strauss, contributed to the understanding of the space of the children's world and the problem of its transformation.

Results and discussion. The space of the children's world is associated with a combination of various socio-cultural factors that change throughout historical time. The space of the children's world opens up in the eyes of an adult with the manifestation of interest in children's experiences, the inner psychological structure of the child. Great importance in the transformation of the childhood space occurs at the moment when the child finds his / her own "place" in the house. The traditional expansion of the space of the children's world (house-street-city-country-world) in modern times acquires another dimension – virtuality.

Conclusion. The evolution of the socio-cultural position of the child in society depended on the specifics of ideas about the rules of behavior, social habits, ritual practices. For a long time, the space of the children's world was perceived as fundamentally different from the space of an adult, carried beyond its limits. The digitalization of childhood has provided the world with new dangers associated with the risks of finding a child in virtual spaces beyond the control of an adult.

Keywords: space, childhood, living space, portrait genre, digitalization, virtuality

For citation: Yurieva, A.V. (2023), "The Space of the Children's World: the Problem of Transformation", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 5–19. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-5-19 (Russia).

Введение. Каждое историческое время рождало свой образ человека и, соответственно, под его влиянием появлялся образ детства. Воссоздавая его, различные сферы гуманитарного знания: от философского, религиозного до этнографического и искусствоведческого – внесли большой вклад в его осмысление. Можно сказать, что проблема детства в современном научном дискурсе остается междисциплинарной.

Пространственная среда любого человека, и ребенка в частности, является местом повседневных социальных практик и выполняет функцию пространственного обрамления жизни. Некорректно наделять ее коннотацией незначительного фона, на котором разворачивается весь спектр бытования человека. Напротив, многие исследователи проблемы пространства склоняются к тому, что пространственная среда задает определенные ритмы человеческой деятельности, приносит упорядоченность.

Как уже было отмечено, феномен детства в разные исторические эпохи рассматривался неодинаково. В истории культуры мы находим примеры, указывающие на полное игнорирование не только культурной, но и биологической значимости ребенка, или же возведение в культ и переход к социальному детоцентризму.

Целью работы является описание процесса трансформации пространства детского мира, изменение социокультурного положения ребенка через обретение им личного физического пространства наравне с открытием его внутреннего психического мира.

Актуальность определяется усложнением пространственных координат детского мира, связанных с цифровизацией мира ребенка.

Научная новизна заключается в попытке систематизировать научные знания в описании пространства детского мира и дать им оценку с точки зрения современного социокультурного состояния, а также дополнить имеющиеся исследования данного проблемного поля анализом специфики положения ребенка в новом виртуальном пространстве современного цифрового общества.

Методология и источники. Представленные в работе выводы основаны на культурфилософском анализе исследовательской литературы, примерах из истории живописи, некоторых воспоминаниях о детстве, опубликованных в специальной литературе.

Результаты и обсуждение. Понимание пространства в истории науки носит глубокий системный характер, так как этот сложный вопрос укоренен в структуре бытия. В философском смысле пространство – это форма взаимодействия человека с материальным миром, а переживание пространства связано с силой воздействия его элементов, которые формируют границы и формы восприятия. В данной работе рассматривается пространства детского мира, которое понимается как некоторый объем внешнего и внутреннего содержания, присущий ребенку. В некотором смысле этот объем известен всем (дом–семья–друзья–улица–город–мир и т. д.), но раскрытие этого объема в истории человечества осуществлялось постепенно.

Взаимоотношения между родителями и детьми, между детьми и детьми, развитие конфликтных ситуаций и разрешение межличностных проблем занимают важное место в жизни каждого человека в любую историческую эпоху [1]. При этом необходимо учитывать, что характер поведения людей прошедших столетий определяется своими ритуалами и представлениями о правилах поведения, общественных привычках, которыми люди руководствовались в реальной жизни [2]. Большой вклад в эволюцию представлений о феномене детства внес Ф. Арьес в работе «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» [3]. Однако книга Ф. Арьеса имела большой резонанс в научной среде и неоднократно подвергалась критике. Стоит отметить ряд претензий к данной работе. Во-первых, Ф. Арьеса упрекали в специфическом отборе источников для анализа проблемы детства (от слабой репрезентативности визуального и литературного материала до отбора данных, характеризующих в

основном высшие слои населения). Во-вторых, эмоциональные семейные связи, описываемые французским исследователем, имеют яркий контраст по сравнению с современным положением дел, что, по мнению некоторых ученых, некорректно. Безусловно, отношение к ребенку претерпевает существенное изменение благодаря социокультурному ландшафту эпохи, но утверждать наличие повсеместной эмоциональной бедности в семье прошедших времен не представляется возможным.

Коллеги Ф. Арьеса, с которыми он разрабатывал «Историю частной жизни...» в пяти томах, продолжили и реализовали изучение феномена повседневности в культуре, в том числе занимались феноменом детства в рамках этого проекта. Отметим лишь базовые пункты преломления этой проблемы, которые имеют существенное значение для понимания трансформации пространства детства.

Античность воспринимала появление ребенка на свет как начало его физического существования и основу его телесного существа. Однако младенец в Римской империи должен был быть признан отцом (акт поднятия над землей), т. е. его физическое рождение еще не означало рождения социального. Если отец ребенка не признавал, т. е. сомневался в акте своего отцовства, либо отсутствовал и оставлял право распоряжаться ребенком своей жене, то его могли подбросить в другую семью или просто выбросить. Для современного человека подобные методы обращения с новорожденным звучат кощунственно.

Ребенком в благородных семьях империи занимались наставники, которые восполняли не только его необходимые физиологические потребности, но и занимались воспитанием, вводя в социокультурное пространство эпохи. Приведем любопытное замечание по этому поводу: «Один римский преподаватель описывает процесс воспитания с другой стороны; он говорит об особой строгости как необходимом условии своей профессии... По его мнению, ребенок, которому позволяют расти в доме родителей, получает от своего окружения лишь уроки “малодушия”: его детские одежды так же роскошны, как у взрослых; так же, как и взрослые, он выезжает в город в креслах-носилках; его детские дерзкие высказывания приводят родителей в восторг; он слушает во время обедов скабрёзные шутки и пошлые песенки; он видит в доме любовниц и любовников» [4, с. 30]. Мы видим, что ребенок и взрослый онтологически, а следовательно и этически не могут быть равноценны. Детство – это должно быть что-то принципиально иное, выносимое за рамки взрослого мира, пространственно детство четко очерчено. Ребенок физически слаб, интеллектуально несовершенно, крайне зависим от взрослого, что закономерно порождает колоссальную дистанцию между родителями и детьми. Здесь выстраивается бинарная оппозиция детство–взрослость, где последняя понимается как доминирующая.

Сама природа детства рассматривается через необходимость воздействия на него посредством воспитания и наставничества. Особенностью данного исторического периода является тот факт, что ребенка растили для расширения возможностей династии, увеличения ее роли в социокультурном пространстве. «Любовь не обременяли лишние сантименты. Потеряв ребенка, можно было совершенно обоснованно плакать на руинах семейных надежд» [4, с. 31], – подобные коннотации понимались как норма.

Появление христианства навсегда изменило отношение к ребенку, отбросив античные абортивные практики, оставление детей без заботы родителей и пр. Никто не утверждает,

что человечество навсегда искоренило кощунственное обращение с детьми, но то, что отношение к ребенку обрело иную форму, можно сказать с уверенностью. Новым в христианской парадигме понимания детства становится сакрализация самого факта рождения ребенка посредством одного из чудес христианского мира – Рождества Христа. В связи с этим новый смысл появляется в оппозиции взрослый–ребенок, где доминантное положение первого претерпевает существенные изменения.

Смысл рождения и воспитания ребенка развивается в русле христианской проблематики через веру, догматы о первородной греховности человека, значимость послушания. Из этих постулатов исходит повышенная требовательность со стороны родителей в отношении детей, ответственность взрослых за грехи ребенка и наоборот. В христианской этике детство воспринимается не только как период начала человеческой жизни, но и как возможность исправить греховность человеческой сущности по мере взросления. Ребенок – объект религиозной проповеди, а сама вера регулирует взаимоотношения между взрослыми и детьми. Но детство все еще максимально вторично по отношению к взрослому миру.

В различных исследованиях мы видим, что радикальное изменение отношения к проблематике детства в Европе происходит именно в эпоху Реформации и Возрождения. Как пишет исследователь: «Эта эволюция совпадает с распадом больших семей, с появлением своего угла у “домашних” рыцарей, с роспуском объединений каноников, каждый из которых поселялся в отдельной постройке во внутренней части монастыря, с увеличением числа браков младших детей из аристократических семей. Подобное движение способствовало скорее индивидуализации семей, а не личности, которая далеко не сразу обрела свободу» [5, с. 617].

Здесь впервые мы можем говорить о появлении интимного, скрытого от посторонних глаз пространства, появляющегося в домашних помещениях. Первым его отвоевал себе глава семьи, но в будущем отвоеует и ребенок. «Забота об интимности, о внутренней атмосфере, скрывающейся за семейным фасадом, прослеживается в распределении комнат между членами семьи, от которого больше всего выигрывает хозяин дома, потому что ему достается свой *studiolo* (кабинет), это единственное место, где деловой человек, отец семейства, гуманист позволяет себе освободиться от управления домом и побыть наедине с собой» [5, с. 645]. В этом контексте стоит упомянуть анализ пространства А. Лефевра в его известной работе «Производство пространства», где он говорит о понятии идеального пространства, которое включает в себя различные формы социальных установок [6]. Следуя за автором, можно сказать, что пространство не может оставаться нейтральным, тем более в рамках семейного круга, оно устанавливает статусные различия, определяет и переопределяет поведение, обуславливает представления. Оно является механизмом, через который достигается распределение и циркуляция тел, осмысливает и определяет социальные отношения.

В XVII в. устанавливается более гуманное, морально-правовое отношение к детям. Но ребенок, так или иначе, воспринимается как не самодостаточный субъект, ни интеллектуально, ни физически не равный взрослому, не свободный, не вполне разумный. Поэтому в основе взаимодействия между взрослым и ребенком традиционно лежит воспитание. Французские просветители XVIII в. (Ж.-Ж. Руссо, К. А. Гельвеций) внесли огромный вклад в осмысление проблемы детства, которая стала выходить за религиозные или бытовые рамки,

обретая статус пристального философского наблюдения. Этот процесс привел к обоснованию принципов воспитания и выявлению факторов, определяющих сам воспитательный процесс.

Если обратиться к проблематизации детства в XIX в., то любопытным будет взгляд на российский менталитет. Можно ли сказать, что существует значительная разница между западноевропейским отношением к ребенку и российским в конкретный исторический период? Скорее всего, так утверждать нельзя, ведь в большинстве своем на российскую почву благодатно падали зерна европейского просветительства и прорастали уже на национальной основе. Безусловно, колоссальная разница быта и воспитания детей существовала благодаря социальным факторам. Крестьянские дети в XIX в. в 3–4 года были предоставлены сами себе, гуляли, когда хотели и где хотели, делали, что им вздумается. Они всему учились – и хорошему, и плохому – на примере родителей, окружающих, сверстников, во всем подражали им. Приобщение их к трудовой деятельности занимало особое место в процессе социализации, и оно носило гендерно-возрастной характер. Религиозно-нравственное воспитание неразрывно было связано с трудовым.

Наряду с религией в формировании внутреннего мира ребенка огромную роль играли сказки и поверья, которые обычно рассказывали старшие в длинные зимние вечера. В сказке создавалась своего рода модель мироздания и расширение ментального пространства ребенка. Это развивало воображение и фантазию, умение выходить за пределы реально существующего, способствовало развитию навыков свободно мыслить, сопоставлять причины и следствия.

В семьях высшего сословия положение детей и отношение к ним обновилось. Наряду с традиционными воспитательными элементами религиозного и культурно просветительского характера добавилось уважение к личности ребенка. Ярким примером тому служит открытие Императорского лицея в Царском селе в начале XIX в., где царил дух строгости, всестороннего развития ребенка и внимательного отношения к его человеческому достоинству. Только на таких основаниях можно было взрастить достойного гражданина Российской империи. Это учебное заведение, естественно, было уделом немногих, большинство детей получало домашнее образование, которое подкреплялось растущими объемами издаваемой детской литературы.

В частной жизни дворянских детей очевидно сокращение дистанции между взрослым и ребенком, смягчение сурового нрава воспитания, появление личного пространства в семейном жилище. Ребенок, обретая собственное укромное место в доме, скрываясь от посторонних глаз, в то же время расширяет мир своего внутреннего пространства благодаря чтению. Поэтому книга, наравне с игрушками, становится одним из самых поощрительных подарков. Вспомнив работу Н. Постмана «Исчезновение детства» [7], отметим, что после изобретения печатного станка детям пришлось «зарабатывать» взрослость, изучая грамоту и расширяя горизонты своего познания.

В XX в. ребенок из отстраненного объекта наблюдения взрослым превращается в экзистенциальный субъект, чей опыт раскрывается как безусловная культурная значимость. Этому способствовали не только описание личностного опыта и его рефлексия, но и вся мощь научного интереса этого периода. Мир взрослого становится в равную оппозицию к

миру ребенка. Современная культура придает фигуре ребенка и заботе о детстве центральное положение. Можно сказать, что имеет место культ детства, или детоцентризм.

Переходя непосредственно к анализу пространства детского мира, стоит отметить, что изучение этого вопроса доступно в нескольких направлениях: воспоминания самих взрослых о раннем периоде жизни, изучение литературных текстов, кинематографических хроник, антропологических заметок, живописных произведений и др. Остановимся подробнее на мировой живописи. Существенным моментом в подобном анализе является изображение ребенка, способы его художественной индивидуализации и типизации.

Вплоть до XIII в. художники не пытались писать реальных детей, изображения больше напоминали уменьшенные копии взрослых, от которых фигура ребенка отличалась лишь ростом и силой. Они были частью религиозно-аллегорических сюжетов. Маленькие дети сначала в виде ангелов, а затем просто как земные шалуны шумной толпой вошли в искусство Возрождения. Иногда они служили для более подробной характеристики события, для создания настроения, проявляя всевозможные оттенки радости, или же создавали контраст основному сюжету. Их часто можно встретить на картинах Тициана, Веронезе под именем «путти». Каждый крупный художник создавал свой тип путти, отразив в нем какие-то стороны своего мироощущения.

Принципиальное изменение в отношении к индивидуальности ребенка можно заметить с появлением детского портрета. В XV в. Доменико Гирландайо создает двойной портрет старика с внуком. Это прекрасный образец портрета эпохи Возрождения, мода на которые была особенно распространена во Флоренции. С удивительной точностью художник изображает беспощадный ход времени, оставляющий неизгладимые следы на теле человека, в то же время мы видим нежность родственных отношений. Ребенок находится в полностью зависимом от взрослого положении, его взгляд снизу и желание по сильнее прижаться к телу старика говорит нам о тесной связи между ними. Пространство ребенка – это пространство рядом со взрослыми.

Большое место занимают изображения детей и в парадных групповых портретах. Так, на работах Веласкеса видно, как строгий этикет испанского двора лишал детей королевской семьи свойственных их возрасту радостей. Воспитание сводилось к подчинению условностям. На полотне «Менины» изображен кусочек интимной жизни королевской семьи. Здесь мы видим, что пространство ребенка никогда не будет пустым, он всегда находится в окружении других (прислуги, нянек, родных) и вписан в богатый интерьер жилища.

В середине XVII в. дети «выходят» на улицу. Природные ландшафты – естественный фон их жизни. Само пространство земли можно понимать как точное символическое описание вольного духа детства. Хусепе де Рибера главным героем картины «Хромоножка» делает нищего оборванного мальчика, но с абсолютно счастливой улыбкой на лице. Открытый взгляд и невинный беззубый рот ребенка словно освещают эту композицию и придают картине общечеловеческое значение.

Главные герои художника Франса Хальса – самые бедные жители городов Голландии. На его полотнах много детей, большая часть жизни которых проходила на улице. Художник относится к ним с большой симпатией, понимает их внутренний мир и убедительно раскрывает его перед нами. Пространство вокруг этих детей (улица, двор) – это, скорее, пространство

социального мира бедноты, все тяготы которого переносят эти юные создания. Но и здесь их лица освещены улыбкой, как наивной маской, закрывающей их от трудностей взрослого мира.

Невозможно обойти вниманием полотно Рубенса «Голова ребенка» (1618). Как считают, на картине изображена Клара Серена, первый ребенок Рубенса, которая умерла в 1623 г. в двенадцатилетнем возрасте. Смерть ее стала большим ударом для художника, очень любившего всех своих детей. Глядя на этот портрет, невозможно поверить в дату его создания, настолько эмоционально он написан. Через это полотно проглядывает любовь – единственное чувство, при котором ребенок чувствует себя в безопасности и умиротворении. Художник пишет не ребенка в пространстве, а пространство, заполненное ребенком и своей любовью к нему.

Интерес к показу внутреннего мира детей возникает во второй половине XVIII столетия в русской живописи, когда формируется взгляд на воспитание как на подготовку будущего человека к полезной деятельности (Ф. С. Рокотов, Д. Г. Левицкий, В. Л. Боровиковский). В первые десятилетия XIX в. русская живопись обогатилась новыми жанровыми мотивами: крестьянские дети нередко становятся таким же объектом художнического интереса, как и дети высших сословий (А. Г. Венецианов). В это же время в русском искусстве получает признание и существование особый, специфический внутренний мир ребенка. Живописцы проявляют по-настоящему сильный интерес к детской психологии. Например, портрет мальчика Челищева (1890) О. А. Кипренского – это образец истинно детского портрета, так как в нем впервые в русском искусстве проявляется интерес к особенностям мировосприятия детей.

Можно сказать, что расширение внешнего пространства для ребенка с точки зрения взрослого начинается с открытия его внутреннего мира. Раскрытию этой темы способствовал распространенный живописный сюжет – дети и книга. Этот бесценный источник детских познаний расширял пространство детского мира, создавая виртуальные миры посредством читательской фантазии.

Одухотворение окружающих человека вещей стало важной частью международного художественного процесса демократизации бытового жанра. Пространство выступает здесь в роли главной стихии, к лирическому переживанию которой готовят нас десятки мелких мотивов. Дом выступает важным фактором в жизни человека, одной из главных культурных универсалий, присущих любой исторической эпохе. Противопоставленный внешнему миру дом отделяет от него внутреннее пространство семьи, в котором каждый из ее членов чувствует себя защищенным. Особую роль дом играет в жизни ребенка, выступая местом его воспитания, первичной социализации, формирования первых осознанных представлений об окружающем мире и своем месте в нем. Родной дом – это экзистенциальное пространство, где человек впервые начинает осознавать свое «я», где закладываются основы его личности.

Вспоминая М. Фуко и его теорию гетеротопий, можно сказать, что пространство семейного очага становится для человека таким гетеротопическим местом [8]. С одной стороны, символически нагруженным дисциплинарным пространством, но с другой – местом покоя и заботы. И в действительности такие пространства в меньшей степени стоит рассматривать как конкретное местоположение индивида, ведь они предполагают очень непростую и разветвленную систему социальных отношений. Заметим, что осмысление пространства детства должно находиться в центре описания экзистенциальных вопросов по причине того,

что ребенок зачастую пребывает в сложных пространственных оппозициях. Его положение бывает дихотомично, разделено на «дозволенное/запрещенное», «приятное/неприятное», «близкое/далекое» и т. д.

Личное пространство в доме дети завоевывают в XIX в. Среди многочисленных комнат, чаще на антресольных этажах барских домов, появляются детские, заполненные книгами, игрушками, любимыми предметами: «...представьте себе теперь комнату Наденьки, комнату маленькую с двух окошечек с белыми занавесками. В углу несколько кукол подле лексиконов; у стенки столик с тетрадками и маленьким альбомом. Рядом ширмы и зеркало, а за ширмами и кровать... На креслах сидела Наденька и задумчиво перебирала иссохшие цветы, высушенные ею в “Русской грамматике” Греча» [9, с. 21].

Заметим, что «комнатный» жанр обрел беспрецедентный в русском искусстве психологизм и историчность в работах передвижников (К. Маковский, И. Репин, В. Серов). В них мы видим дом как хранилище фамильных традиций и духовного наследия предков, именно этим проникнута атмосфера, которая окружает детей. Интерьерная живопись – это воссоздание того пространства, в котором рождались, росли, старели поколения его обитателей. Ребенок присваивает себе любое пространство, обживает его, делает своим. Обычные предметы, окружающие его в природе и дома, камешки, табуретки, лоскутки, все, что попадает в поле его зрения, благодаря безграничной фантазии волшебным образом меняет свои игровые предназначения, расширяет его игровое пространство.

В дворянских усадебных домах обстановка была непринхотлива, приближалась к природной естественности. В быту, лишенном излишеств, ребенок жил, неограниченный в своей внутренней свободе, в гармонии с окружающим миром, который простирался за пределами родительского дома. Можно сказать, что пространство дома, рядом с родителями – это и есть вселенная ребенка, масштабы которой для него пока неведомы, но постепенно он ее увеличивает, моделирует вместе со взрослым.

В интерьере человек как бы препоручает свои обязанности героя самому пространству и наполняющим его предметам, а сам либо скрывается вообще, либо ступешивается среди одушевленных «неодушевленностей». В этом смысле прекрасной иллюстрацией служит работа К. Сомова «В детской» (1898), где главным персонажем выступает личное пространство ребенка, пока еще остро зависящего от взрослого наставничества. Образ дома, в котором человек провел детство, как правило, является для него притягательной ценностно-значимой доминантой. В нем находят свое отражение архетипические функции. В большинстве своем детские образы домашнего мира имеют позитивный характер, формируя соответствующие стереотипы, определяющие последующее поведение человека.

В XX в. тема детского пространства имеет колоссальный объем научной рефлексии: от психоанализа, антропологии, социологии до философски осмысленного влияния компьютерного мира на сознание ребенка. В живописи, литературе, кинематографе, музыке, во всех проявлениях культуры мы можем найти интерпретации на тему «Ребенок и детство (школа, мать, семья, политика, праздник, театр) – что угодно), что в полной мере раскрывает огромное пространство бытования маленького человека. Ребенок в XX в. стал предметом пристального интереса взрослого, его разгадки и объяснения самого себя. Можно сказать, что в этот период сложилась особая детская цивилизация, основанная на уважении к личности

ребенка, совершенствовании методов его развития, удовлетворении потребностей. И, как результат, все это породило целую индустрию, готовую в любой момент оказать услуги тревожащимся родителям.

Дом – первое интимное место для ребенка, а также пространство повседневных практик, опосредованно влияющее на мировосприятие. Любое детское воспоминание подвергается множеству искажений, поэтому создается мифологический образ дома детства, который и воспроизводит сознание. Большое внимание этому вопросу было уделено в работе Г. Башляра «Поэтика пространства». Автор высказывает мысль о возможностях человека наполнять воспоминаниями место, которое он понимает как «дом», и в дальнейшем воспроизводить их в иных помещениях. Он полагал, что обитаемое пространство человека может быть обширнее, чем географическое за счет памяти, в которую включен широкий спектр ассоциаций и впечатлений. Он пишет: «Когда в новом доме нам вспоминается прежнее жилье, мы попадаем в страну Незыблемого Детства – застывшего, будто край Незапамятного. Это переживание фиксаций – фиксаций блаженства. Переживая в воспоминаниях чувство защищенности, мы успокаиваемся. Укрытие должно оберегать воспоминания, сохраняя их образную ценность. Воспоминания о внешнем мире никогда не имеют той тональности, что присуща воспоминаниям о доме, к которым мы присоединяем ценности воображения. Не становясь историками в полном смысле, мы всегда остаемся немного поэтами, и наши эмоции, быть может, – всего лишь отражение утраченной поэзии» [10, с. 28]. Можно сказать, что автор рассуждает о соотношении реального и воображаемого пространства, где на фоне естественного ландшафта формируется внутренний ландшафт воспоминаний.

В подтверждение этих рассуждений французского мыслителя, стоит вспомнить идеи Р. Арнхейма [11], который когда-то полагал, что специфика восприятия пространства заключается не в пассивном созерцании, но в живом креативном процессе. В каждом моменте созерцания мы тщательно исследуем объект, анализируем значимые характеристики, соотносим со своим информационным опытом и составляем единый зрительный образ.

Пространство детства также формируется через ощущения. Особенно ярко в детских воспоминаниях присутствуют запахи, звуки, визуальные образы той среды, в которой проходило детство. Это тот своего рода идеальный образ, который человек на протяжении всей своей жизни пытается воплотить в реальность. Кризис пространственных представлений в детском сознании возникает при экстремальной ситуации, такой как, например, конфликт родителей или война. Тогда образ дома утрачивает сущностный смысл места, обеспечивающего стабильное существование и безопасность. Война, бесспорно, оказывает мощное влияние на мир детства, что проявляется, в первую очередь, в резком сужении его границ, в расширении круга обязанностей, которые возлагались на детей. Но в то же время война совершенно по-особому ими воспринимается. Девочки уходили в мир игры, открещиваясь от войны, а мальчики создавали игровые ситуации, в которых война «переигрывалась», и это открывало перед ними большие адаптационные возможности [12].

После дома и двора первой в освоении детьми окружающего пространства является улица, на которой они проживают и совершают маршруты ежедневных прогулок. Интересно восприятие близкого и далекого расстояния, «своего» и «чужого» пространства, где «своя» территория воспринимается близкой, а что-то новое, чужое – далеким. Являясь уни-

версальными бинарными оппозициями, «свое»–«чужое» имеют статус определяющих категорий человеческого сознания. Такие понятия связаны между собой и образуют своего рода «модель мира», при помощи которой мы воспринимаем окружающую действительность [13]. Можно сказать, что ребенок существует в таком пространстве, которое наполнено постоянным информационным потоком. Этот коммуникативный мир создан из множества слоев и подтекстов, он опирается на историческое основание, на отсылки и цитаты.

Сегодня, в XXI в. приходится говорить о глобальной трансформации отношений ребенка в предметном и социальном мирах, важнейшим фактором которой является цифровизация и ее последствия для безопасного пространства детства. «Они – дома в этом времени. Спутники привычны в их небесах. Они никогда не знали времени, когда война не грозила бы уничтожением. Используя компьютер не антропоморфизируют будущее, они знают, что они сами – запрограммированные человеческие существа» [14, с. 21], – это слова известного американского этнографа М. Мид. Как известно, она ввела разграничение между культурами трех типов: «постфигуративные» (традиционного склада, где молодежь полностью заимствует опыт старших), «кофигуративные» (где приходится учиться и детям, и взрослым), «префигуративные» (где в силу скорости общественного развития взрослые вынуждены учиться у детей). Соответственно, в нынешнее время любой ребенок с легкостью осваивает современные средства связи, что с трудом дается его бабушкам и дедушкам, которые в их освоении просят помощи у внуков.

Однозначно, что по мере усложнения и обогащения культуры объем передаваемых из поколения в поколение знаний, умений и навыков увеличивается, а сами формы их передачи дифференцируются и специализируются. Хочется напомнить слова Х. Ортега-и-Гассета, который рассуждал о значении техники в жизни человека: «Чистый феномен мироздания – техника – рождается исключительно из драматической, удивительной, метафизической комбинации, когда два разнородных начала – человек и мир – обречены соединиться так, что одно из них (человек) получает возможность вместить свое сверхмировое бытие в другое, то есть в сам мир. Эта задача, почти инженерного плана, и есть человеческий удел» [15, с. 170]. Автор видит неразделимую, естественную связь человека и его изобретений, рожденную из потребностей и желаний, имеющую метафизическое значение.

Говоря о ребенке как потребителе и соучастнике взрослого техногенного мира, надо отметить, что в совокупности с большими объемами потребляемой им информации он попадает в ситуацию повышенного стресса. Но так как сами взрослые могут назвать себя экспериментальным цифровым поколением, то они вряд ли могут корректно оценить последствия влияния технологий на развитие детей. Безусловно, современные исследователи активно взялись за дело, и существует достаточное количество работ, посвященных изучению цифровизации детства. Но все же это предварительные данные, связанные, скорее, с прогнозами, а не с результатами воздействия на личность виртуального мира целого поколения. Многими исследователями отмечается и положительное влияние цифрового пространства на детей. К числу таких преимуществ относятся образовательные практики, такие как приложения, предлагающие детям игры, улучшающие когнитивные навыки. Однако все эти преимущества возможны при сознательном использовании технологий и под контролем взрослого. С другой стороны, следует иметь в виду, что избыток визуальных раздражителей

приводит к рассеиванию внимания. Также дети могут легко подвергнуться воздействию вредоносного контента во время просмотра онлайн – особенно если они остаются без присмотра, без принятия надлежащих мер. Наиболее проблемные моменты современного пространства детства связаны с тем, что «активное сворачивание социальных контактов ребенка, уменьшение возможностей реального взаимодействия и общения, подмена их цифровыми технологиями приводит к когнитивному индивидуализму, а затем и к моральному, а не только к познавательному естественно-возрастному эгоцентризму – неспособности ребенка к децентрации, чтобы увидеть проблему, ситуацию с точки зрения других людей, объективно» [16, с. 33].

Современный ребенок, как и взрослый, находится на границе двух пространств – реального и виртуального, вопрос заключается в том, насколько для ребенка доступно осмысленное и легкое переключение между ними. Поэтому, вспоминая А. Бергсона, можно сказать, что «всякая видимость должна рассматриваться как реальность, поскольку не доказано, что она иллюзия» [17, с. 30]. Безусловно, не стоит бесконтрольно оставлять ребенка наедине с любым из его пространств (образовательным, игровым), при этом не вытесняя его потребности побыть наедине с самим собой.

Заключение. Подводя итоги, констатируем, что общество не может познать себя, не поняв закономерностей своего детства [18], феномена, имеющего исторически разное социальное и культурное содержание [19]. А «сравнительно-историческое изучение социализации детей не дает универсальных рецептов воспитания, но как нельзя лучше стимулирует социально-педагогическую рефлексию, помогающую нам преодолевать наивный провинциализм и эгоцентричность собственного “здесь и сейчас”» [20, с. 5].

Проанализировав трансформацию пространства детства, можно сделать следующие выводы:

– Во-первых, эволюция социокультурного положения ребенка в обществе зависела от специфики представлений о правилах поведения, от общественных привычек, ритуальных практик.

– Во-вторых, долгое время пространство детского мира воспринималось как принципиально иное по отношению к пространству взрослого, выносимое за его рамки. Бинарное положение «взрослый–ребенок» имело непреодолимую дистанцию, сокращаемую только в результате взросления и благодаря воспитанию.

– В-третьих, пространство детского мира открывается в глазах взрослого с проявлением интереса к детским переживаниям, внутреннему психологическому устройству ребенка. Это отчетливо видно при анализе портретной живописи XVIII–XIX вв.

– В-четвертых, огромное значение в трансформации пространства детства имеет момент обретения ребенком собственного «места» в доме, как возможности побыть наедине с собой, открыть пространство внутреннего мира через игру или книгу.

– В-пятых, представление о пространстве как онтологической характеристике человека претерпевает существенные изменения в кризисные моменты бытия (например, в период войны).

– В-шестых, традиционное расширение пространства детского мира (дом–улица–город–страна–мир) в современности обретает еще одно измерение – виртуального пространства.

Все сложности и опасности этого нового для ребенка мира достаточно четко осознаются взрослыми, но с уверенностью можно сказать: как и любое другое пространство детства, оно должно иметь корректную регуляцию со стороны взрослого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамычева Д. И. Философско-культурологическая аналитика детства. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А. П. Чехова, 2013.
2. Философско-культурологические исследования детства: сб. науч. тр. / под общ. ред. Л. В. Никифоровой. Таганрог: Ступин А. Н., 2013.
3. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с фр. Я. Ю. Старцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
4. История частной жизни. От Римской империи до начала второго тысячелетия / под ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби; в 5 т. Т. 1 / пер. с фр. Т. Пятницыной, Г. Беляевой. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
5. История частной жизни. Европа от феодализма до Ренессанса / под ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби; в 5 т. Т. 2 / пер. с фр. Е. Решетниковой, П. Каштанова. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
6. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015.
7. Postman N. The disappearance of childhood. NY: Delacorte press, 1982.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб.: A-cad, 1994.
9. Два века русского детства. Портреты, бытовые сцены, костюм, мебель, рисунки, учебные тетради, письма, книги, игрушки: XVIII – начало XX века / авт.-сост. Е.-Ф. В. Васютинская. М: Индрик, 2006.
10. Башляр Г. Избранное: поэтика пространства / пер. с фр. Н. В. Кисловой, Г. В. Волковой, М. Ю. Михеева. М.: РОССПЭН, 2004.
11. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства / пер. с англ. Г. Е. Крейдлина. М.: Прометей, 1994.
12. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны / М. А. Рыблова, Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина и др. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015.
13. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974.
14. Дети и культура / Б. Сорочкин, Е. Савицкая, А. Вартанов и др. М.: КомКнига, 2007.
15. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / пер. с исп.; под общ. ред. А. М. Руткевича. М.: Весь Мир, 1997.
16. Пую Ю. В. Цифровизация воспитания как угроза безопасному развитию детства // Философия образования и проблемные пространства детства: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. С. 30–38.
17. Коняев С. Н. Реальная виртуальность: границы наблюдателя в информационных пространствах искусственно созданных миров // Концепции виртуальных миров и научное познание. СПб.: РХГИ, 2000. С. 30–55.
18. Matthews G. The philosophy of childhood. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1996.
19. Kennedy D. Changing Conceptions of the Child from the Renaissance to Post-Modernity: a Philosophy of Childhood. NY: The Edwin Mellen Press Lewiston, 2006.
20. Кон И. С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, 1988.

Информация об авторе.

Юрѳева Алла Васильевна – кандидат философских наук (2006), доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Б. Морская ул., д. 18, Санкт-Петербург, 181186, Россия. Автор более 35 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия архитектуры, семиотика культуры, пространство и время в философии и архитектуре.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.01.2023; принята после рецензирования 30.03.2023; опубликована онлайн 21.09.2023.*

REFERENCES

1. Mamychева, D.I. (2013), *Filosofsko-kul'turologicheskaya analitika detstva* [Philosophical and cultural analysis of childhood], Izd-vo Taganrog. gos. ped. in-ta imeni A.P. Chekhova, Taganrog, RUS.
2. Nikiforova, L.V. (ed.) (2013), *Filosofsko-kul'turologicheskie issledovaniya detstva* [Philosophical and cultural studies of childhood], Stupin, A.N., Taganrog, RUS.
3. Ar'es, F. (1999), *L'enfant Em la vie Familiale Sous L'ancien Regime*, Transl. by Startsev, Ya.Yu., Izd-vo Ural. un-ta, Ekaterinburg, RUS.
4. *Histoire De La Vie Privee. I. De L'Empire Romain A L'An Mil* (2017), in Aries, Ph. and Duby, G. (eds.), Transl. by Pyatnitsyna, T. and Belyaeva, G., in 5 vol., vol. 1, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.
5. *Histoire De La Vie Privee. De L'Europe de la féodalité à la Renaissance* (2017), in Aries, Ph. and Duby, G. (eds.), Transl. by Reshetnikova, E. and Kashtanov, P., in 5 vol., vol. 1, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.
6. Lefebvre, H. (2015), *La production de l'espace*, Transl. by Staf, I., Strelka Press, Moscow, RUS.
7. Postman, N. (1982), *The disappearance of childhood*, Delacorte press, NY, USA.
8. Foucault, M. (1994), *Les Mots et les Choses. Une archéologie des sciences humaines*, Transl. by Vizgin, V.P. and Avtonomova, N.S., A-cad, SPb., RUS.
9. Vasyutinskaya, E.-F.V. (2006), *Dva veka russkogo detstva. Portrety, bytovye stseny, kostyum, mebel', risun-ki, uchebnye tetradi, pis'ma, knigi, igrushki: KhVIII – nachalo KhKh veka* [Two centuries of Russian childhood. Portraits, domestic scenes, costumes, furniture, drawings, study books, letters, books, toys: 18th – early 20th centuries], Indrik, Moscow, RUS.
10. Bachelard, G. (2004), *La poétique de l'espace*, Transl. by Kislova, N.V., Volkova, G.V. and Mikheev, M.Yu., ROSSPEN, Moscow, RUS.
11. Arnheim, R. (1994), *New essays on the psychology of art*, Transl. by Kreidlin, G.E., Prometei, Moscow, RUS.
12. Ryblova, M.A., Krinko, E.F., Khlynina, T.P. et al. (2015), *Detstvo i voina: kul'tura povsednevnosti, mekhanizmy adaptatsii i praktiki vyzhivaniya detei v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi Voiny* [Childhood and war: the culture of everyday life, adaptation mechanisms and practices of children's survival in the conditions of the Great Patriotic War], Izd-vo Volgogr. fil. FGBOU VO RANKhiGS, Volgograd, RUS.
13. Ivanov, V.V. and Toporov, V.N. (1974), *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostei. Leksicheskie i frazeo-logicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov* [Research in the field of Slavic antiquities. Lexical and phraseological issues of text reconstruction], Nauka, Moscow, USSR.
14. Sorochkin, B., Savitskaya, E., Vartanov, A. et al. (2007), *Deti i kul'tura* [Children and culture], Komniga, Moscow, RUS.
15. Ortega-i-Gasset, Jo. (1997), *Obras complétas*, Transl., in Rutkevich, A.M. (ed.), Ves' Mir, Moscow, RUS.
16. Puyu, Yu.V. (2022), "Digitalization of education as a threat to the safe development of childhood", *Filosofiya obrazovaniya i problemnye prostranstva detstva* [Philosophy of Education and Problem Spaces of Childhood], Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, SPb., RUS, pp. 30–38.

17. Konyaev, S.N. (2000), "Real virtuality: the boundaries of the observer in the information spaces of artificially created worlds", *Kontseptsii virtual'nykh mirov i nauchnoe poznanie* [Concepts of virtual worlds and scientific knowledge], RHGI, SPb., RUS, pp. 30–55.

18. Matthews, G. (1996), *The philosophy of childhood*, Harvard Univ. Press, Cambridge, USA.

19. Kennedy, D. (2006), *Changing Conceptions of the Child from the Renaissance to Post-Modernity: a Philosophy of Childhood*, The Edwin Mellen Press Lewiston, NY, USA.

20. Kon, I.S. (1988), *Rebenok i obshchestvo: istoriko-etnograficheskaya perspektiva* [Child and society: historical and ethnographic perspective], Nauka, Moscow, USSR.

Information about the author.

Alla V. Yurieva – Can. Sci. (Philosophy, 2006), Associate Professor at the Department of Social Sciences, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 18 B. Morskaya str., St Petersburg 181186, Russia. The author of more than 35 scientific publications. Area of expertise: philosophy of architecture, semiotics of culture, space and time in philosophy and architecture.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 27.01.2023; adopted after review 30.03.2023; published online 21.09.2023.